

Философия и культура

*Правильная ссылка на статью:*

Саяпин В.О. От Иммануила Канта к Жильберу Симондону: схемы оперативного воображения // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.75578 EDN: JOQRDR URL: [https://nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=75578](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75578)

## От Иммануила Канта к Жильберу Симондону: схемы оперативного воображения

Саяпин Владислав Олегович

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент; кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33



✉ [vlad2015@yandex.ru](mailto:vlad2015@yandex.ru)

[Статья из рубрики "Философия техники"](#)

### DOI:

10.7256/2454-0757.2025.10.75578

### EDN:

JOQRDR

### Дата направления статьи в редакцию:

19-08-2025

**Аннотация:** Переосмысление схемы у Жильбера Симондона знаменует радикальный разрыв с кантовской традицией. Если для Канта схематизм чистого рассудка выступал априорным механизмом подчинения чувственного многообразия категориям разума, обеспечивая возможность познания, но оставаясь замкнутым в трансцендентальной сфере субъекта, то Симондон совершает онтологический поворот. Его «оперативные схемы» коренятся не в структурах сознания, а в самой динамике материального мира и прежде всего в технике. Схемы – это имманентные паттерны развития «технических линий», кристаллизующиеся в процессе изобретения через «производящее воображение». Новизна Симондона заключается в отказе от примата разума над опытом: схема возникает не до опыта как его условие, а из практического, оперативного соучастия мысли с вещами, из усилия по разрешению конкретных технических проблем. Воображение здесь – не репродукция или комбинаторика, а сила, укорененная в действии и материальности, порождающая новые формы бытия техники.

Исследование базируется на последовательном применении взаимодополняющих методов, адекватных динамической несубстанциальной онтологии Симондона: генетико-критический метод, технико-онтологический анализ, операциональная герменевтика и сравнительно-топологический подход. В этом случае раскрывается не только имманентность схем техническим линиям, но и выявляется разрыв Симондона с кантовским трансцендентализмом. Данная методология позволяет избежать реификации схем, раскрывая их как живые инструменты процессуальной реальности, что соответствует ключевой «максиме» Симондона, а именно познавать: значит следовать за индивидуацией бытия. Актуальность симондонианской концепции «оперативных схем» сегодня трудно переоценить. В эпоху алгоритмов, интерфейсов и самообучающихся систем она предлагает мощный инструмент для понимания того, как технические объекты сами генерируют схемы, которые опосредуют наше мышление и действие. Цифровые платформы, искусственные нейронные сети, «умные» среды – все это воплощает «динамические схемы». Более того, этот подход актуален как эпистемологический сдвиг: он преодолевает разрыв между теорией и практикой, разумом и материей. Оперативные схемы утверждают онтологию отношения и действия, где знание и изобретение возникают не из созерцания, а из вовлеченного взаимодействия с миром. Это делает философию Симондона незаменимой для осмысления совместной эволюции человека и его искусственной среды.

**Ключевые слова:**

Симондон, Кант, Бергсон, индивидуация, трансдукция, доиндивидуальное, метастабильность, динамическая схема, техническая схема, воображение

**Введение**

Понятие «схемы» занимает стратегически важное, но концептуально напряженное положение на пересечении философии техники и теории познания. С одной стороны, Иммануил Кант (1724–1804) в своей трансцендентальной философии возвел схему (схематизм) в статус фундаментального оператора познания, таинственного посредника, обеспечивающего применимость априорных категорий рассудка к чувственному многообразию опыта. С другой стороны, спустя более полутора веков Жильбер Симондон (1924–1989) в своем новаторском анализе генезиса технических объектов постулировал схему как центральный механизм самого акта технического изобретения. Это концептуальное сближение одного термина в столь разных контекстах, а именно в структурировании познавательного опыта и конституировании технической инновации. В этом случае такое сближение термина ставит важный вопрос: Что общего и что принципиально различается в природе и функции схемы в этих двух фундаментальных для человека сферах? То есть краткая постановка проблемы сводится к тому, что схема предстает ключом как к пониманию априорных структур познания (Кант), так и к динамике конкретного технического творчества (Симондон).

Несмотря на формальное сходство термина, Симондон осуществляет глубокий разрыв с кантовской парадигмой в трактовке схемы. Для Канта схематизм – это прежде всего процедура подчинения чувственного опыта заранее данным категориальным структурам рассудка, обеспечивающая возможность объективного знания. Схема действует «сверху вниз», налагая форму разума на материю ощущений. Симондон же радикально

инвертирует эту перспективу. В его концепции технического изобретения схема возникает не как инструмент подведения под всеобщее, а как динамический процесс открытости мысли миру через конкретное действие и взаимодействие с материальной реальностью. Схема у Симондона – это не предзаданная форма, а рождающаяся в самом акте изобретения оперативная структура, медиатор между замыслом и материей, позволяющий технической мысли «схватывать» и преобразовывать реальность в новом объекте. В результате симондонианская схема – это не мост от априорного к эмпирическому, а путь от проблемной ситуации и материальных сопротивлений к новому синтезу, от имманентного мира к его техническому преобразованию.

Целью данной статьи является реконструкция оригинальной концепции схемы у Симондона в специфическом контексте технического изобретения и связанного с ним «производящего воображения» с акцентом на демонстрации ее принципиального отличия от кантовского схематизма. Ключевым для понимания этого различия является анализ тех интеллектуальных источников, которые сформировали подход Симондона и которые резко контрастируют с трансцендентализмом Канта. В частности, статья исходит из тезиса, что симондонианская концепция схемы была существенно обогащена и переосмыслена под влиянием французской традиции эмпирической психологии конца XIX – начала XX веков. Динамику психических образов, привычек и моторного действия исследовали в своих философских изысканиях А. Бине (1857–1911), Т. Рибо (1839–1911), Ф. Польян (1856–1911) и И. Тэн (1826–1893). Кроме того, на концепцию схемы оказало глубокое воздействие бергсонианство с его философией длительности, творческой эволюции и интуиции как метода. Через призму этих влияний станет очевидно, что симондонианская схема – это не априорный познавательный механизм, а имманентный процессуальный и материально укорененный оператор технического творчества, переосмысливающий само воображение как производительную силу изобретательства, действующую в мире.

### **Кантовский схематизм и его пределы для понимания изобретения**

Учение о схематизме чистых рассудочных понятий, изложенное в работе немецкого философа И. Канта «Критика чистого разума» (1781)<sup>[1]</sup> занимает центральное, но недооцененное место в его философской системе. Как подчеркивается в тексте этой работы, анализ этого учения способен разрешить фундаментальный спор между двумя основными интерпретациями Канта: психологистически-феноменистической (видящей в ней синтез логики, психологии и метафизики) и трансцендентально-логической (сводящей философию Канта к анализу предпосылок точной науки). В этом случае кантовский схематизм, будучи завершением трансцендентальной дедукции категорий<sup>[1,с.176-182]</sup>, выполняет функцию трансцендентального посредника, обеспечивая применение чистых рассудочных категорий к чувственным созерцаниям. Как подчеркивает Кант, схема – это «продукт воображения», но не эмпирического, а априорного, действующего по строгим правилам рассудка<sup>[1,с.176]</sup>.

Именно здесь, в описании схем как продуктов чистого априорного воображения проявляется неустранимый психологический элемент («сокровенное в недрах человеческой души искусство»), ставящий под сомнение чисто логические интерпретации. Этот механизм гарантирует всеобщность и необходимость знания, но жертвует креативным потенциалом. Схема лишь подводит многообразие опыта под готовые категории (причина, субстанция и т.д.), не создавая новых концептуальных структур. Как отмечает исследователь Беатрис Лонгенесс (род. 1950), схематизм у Канта

– это «инструмент подведения под правило», а не генерации нового правила [\[2, p.116\]](#). Для технического изобретения, требующего разрыва с существующими категориями, такой подход оказывается недостаточным: он не объясняет возникновение принципиально новых структур (например, парового двигателя) не сводимых к априорным схемам.

Отсюда следует, что эта ограниченность коренится в самой структуре кантовской гносеологии, основанной на радикальном дуализме двух гетерогенных элементов. Во-первых, в чувственности, которая пассивно воспринимает иррациональный материал ощущений через формы пространства и времени. Во-вторых, в рассудке, активно синтезирующего этот материал посредством априорных категорий. Проблема согласования этих элементов решается через схематизм, где схемы выступают трансцендальными медиаторами. Они суть временные определения, порождаемые продуктивным воображением. Иными словами, чистые понятия рассудка (категории) слишком абстрактны, чтобы напрямую описывать ощущения. Поэтому Кант вводит схемы или, по-другому, правила временной организации опыта (например, последовательность событий для причинности). Только через эти временные схемы категории обретают связь с реальностью [\[1, c.180-181\]](#). Так, схема субстанции, определяемая как устойчивость во времени (постоянство как временной коррелят) непосредственно воспроизводится в основоположении категории субстанции. То есть: «...то устойчивое, в отношении к которому единственно могут быть определены все отношения явлений во времени, есть субстанция в явлении, т.е. реальное [содержание] явления, всегда остающееся одним и тем же, как субстрат всякого изменения. Так как субстанция (diese) поэтому не может меняться в существовании, то количество ее в природе не может ни увеличиваться, ни уменьшаться» [\[1, c.206\]](#). Аналогично схема причинности, как подчиненная правилу временная последовательность, неотличима от содержания основоположения причинности: «Все изменения совершаются по закону связи причины и действия» [\[1, c.210\]](#). Однако этот медиативный статус обнажает ключевое ограничение для философии техники: схематизм работает как односторонний процесс «применения» категорий к пассивному чувственному материалу, игнорируя материальное взаимодействие. В техническом изобретении, как позже покажет Симондон, материя активна: она оказывает сопротивление, вносит непредвиденные эффекты (трение, деформации), требующие коррекции замысла. При этом кантовская схема не имеет механизма обратной связи с реальностью, так как ее функция исчерпывается обеспечением возможности опыта.

Поэтому, как утверждает Мартин Хайдеггер (1889–1976), кантовское воображение конструирует предметы, но «глухо» к конкретности бытия сущего [\[3\]](#). Кант сводит познание к субъективному конструированию (предметность как продукт воображения), игнорируя герменевтическое измерение: способность человека прислушиваться к миру, где сущее раскрывает себя в своей историчности и телесности. Для Хайдеггера это фундаментальная ограниченность новоевропейской метафизики. Например, согласно логике Канта, наше сознание не просто пассивно регистрирует яблоко. Оно активно синтезирует отдельные сенсорные данные (ощущения цвета, формы, вкуса) в единый устойчивый объект (яблоко), используя врожденные мыслительные формы. А именно такие категории, как единство для объединения признаков и реальность для придания статуса существующего предмета. Однако для Хайдеггера такое яблоко – абстракция, где его бытие включает неповторимость спелости, связь с яблоней, временем года, человеческим миром: то, что ускользает от кантовского схематизма.

Эта фундаментальная ограниченность схематизма, а именно неспособность описать изобретение как практическую борьбу с материей, где неудачи становятся источником инноваций, коренится в его имманентной апории: фактическом отождествлении содержания категорий и их схем, что приводит к логической неразличимости этих элементов в системе трансцендентальной философии. Это структурное смешение приводит к тому, что функциональные определения схем дублируются в формулировках самих категориальных принципов. Подобное дублирование, как отмечается в тексте, свидетельствует о том, что Кант часто смешивает определения схемы с определениями категорий, стирая границу между априорной формой рассудка и ее временным медиатором. Указанное отождествление является прямым следствием формалистического концептуализма Канта, корнящегося в отрицании интеллектуальной интуиции. Поскольку категории лишены собственного содержания вне чувственности, а схемы сводятся к временным модификациям, трансцендентальные определения утрачивают операциональную автономию. Это порождает двойной логический круг: категории обосновывают объективность научного знания (естествознания), но само их значение подтверждается исключительно через применимость в науке. Результатом становится методологический тупик, где схематизм, предназначенный для преодоления дуализма чувственности и рассудка, парадоксально обнажает его непреодолимость. В отличие от процессуальной модели технического изобретения (Симондон), где схема адаптируется через рекурсивную коррекцию<sup>[4]</sup> в диалоге с материей, кантовский формализм исключает историчность и контингентность<sup>[5]</sup>, фиксируя познание в системе априорных условий, лишенных механизма внутреннего развития.

Таким образом, кантовский схематизм, обеспечивая универсальные основания познания, оказывается слишком статичным, априорным и замкнутым на субъекте, чтобы объяснить техническое изобретение как диалог с контингентной материей и процесс исторического становления. Его преодоление требует как у Симондона, переосмысления схемы как оператора открытости миру. Эту задачу, например, берет на себя философ Бернар Стиглер (1952–2020)<sup>[7,p.65-123]</sup>, который стремится радикально переопределить понятие «схематизма» воображения у Канта, который, как было отмечено, однозначно ставит схему выше конкретного мысленного образа. Этот приоритет схемы над образом демонстрируется как в случае математических понятий (например, треугольника), так и в случае эмпирических концептов (например, собаки). В эмпирическом случае схема выступает в роли априорной монограммы чистого воображения, благодаря которой и только в соответствии с которой становятся возможными сами образы<sup>[1,c.178-179]</sup>. Именно эту априорную, статичную и субъектоцентричную модель Стиглер не только подвергает критике, но и трансформации в контексте техники и становления.

Это выявление «технической схемы» представляется ключевым для понимания изобретательского процесса как порождения подлинной новизны. Оно позволяет избежать двойного затруднения: сведения изобретения либо к произволу субъективного сознания, либо к слепой игре контингентности. Однако возникают фундаментальные вопросы. Каков механизм реализации изобретательской способности? Как возможно создание нового, если вслед за Стиглером мы утверждаем, что сама эта способность формируется извне предшествующей ей технической реальностью? Хотя концепция Стиглера задает плодотворное направление мысли, ее эвристический потенциал ограничен избирательностью анализа. Фокусируясь преимущественно на кинематографе как «временном объекте», философ развивает свою критику через призму голливудской модели, унаследованную от Теодора Адорно (1903–1969) и Макс Хоркхаймера (1895–1973). Это заставляет его трактовать взаимосвязь ментального образа и технического

артефакта прежде всего сквозь призму темпоральности. Стиглер, безусловно, углубляет критику Франкфуртской школы: он признает их прозрение об «индустриальном схематизме», но справедливо указывает, что Адорно и Хоркхаймер ошибочно свели его к манипуляции сознанием, упустив конституирующую роль третичных ретенций [\[7, p.74\]](#). Именно промышленное производство, по логике Стиглера, порождает новый тип таких удержаний, подчиненный рыночной рациональности. Тем не менее, опираясь на феноменологию Гуссерля времени и акцентируя экзистенциальную укорененность схематизма (формирующего субъекта из наличного), Стиглер остается в границах кантовской постановки вопроса. Его анализ воспроизводит традиционный примат временной синхронизации над пространственной организацией в осмыслении коэволюции становящегося сознания и артефактов, через которые оно структурирует само себя.

Мы предлагаем развить иную концепцию практической схемы, опираясь на логику мысли Симондона. Если влияние Симондона на Стиглера в вопросе изобретательства действительно существенно, то сама постановка проблемы должна выйти за пределы традиционного схематизма воображения. По нашему прочтению, Симондон в различных аспектах своего творчества [\[8,9,10\]](#) артикулирует принципиально иную модель «схематизма». Ее оригинальность заключается в неразрывной связи с генезисом изобретения и в раскрытии типологии модальностей существования схемы как способа индивидуализирующего познания-действия. Суть не в простом утверждении одновременного возникновения схемы и образа, но в понимании специфической динамики их взаимосвязи. Именно вовлекаясь в эту динамику, индивид осуществляет свою когнитивно-практическую индивидуализацию, становясь познающим субъектом через действие и действующим субъектом благодаря познанию. Техническое изобретение у Симондона, таким образом, предстает не как акт субъективной воли, но как результат сложных отношений соучастия, взаимного приспособления и вовлеченности между изобретателем и окружающими его техническими объектами. Схема в этом контексте первично есть не ментальный конструкт, а операция, осуществляемая внутри материальных вещей и посредством них. Наша ассоциированная среда обитания, следовательно, образует генеративное поле уже действующих прообразов (схем), которые могут быть реинтегрированы для порождения новых эффектов. Воображение же раскрывается как способность внимания к имманентным схемам объектов. Воображение – это не просто способность к инновациям или порождению репрезентаций. Помимо ощущений, это также способность распознавать в объектах определенные латентные паттерны. Эти паттерны не утилитарны, не сводимы к непосредственной чувственности или чистой геометрии, не принадлежат ни исключительно материи, ни исключительно форме, но обитают в этом промежуточном измерении схем [\[8, p.73-74\]](#).

Симондон радикально переосмысливает статус воображения: оно утрачивает положение автономной внутренней способности субъекта, превращаясь в практику, распределенную в материальном мире. Воображение обретает трансдуктивный характер, выступая как «особая форма восприимчивости» [\[8, p.74\]](#): его конфигурация возникает из вещей, точнее, из операционных режимов, реализуемых материальными объектами. В этом случае необходимо переосмыслить концепцию Симондона через призму практики дизайнера. Эта изобретательская способность проявляется единообразно в любой проектной деятельности, будь то конструирование книжной полки в домашних условиях или разработка инновационных транспортных систем в конструкторском бюро. Следует отметить, что уже у Канта вопрос о схематизме был вопросом дизайна. Причем схема

изначально была методом, способом «конструирования» объектов. Поэтому наша цель – не превратить дизайн в деятельность разума, а показать его как практику, активирующую изобретательные способности через взаимодействие со схемами, имманентными вещам. В связи с этим центральный вопрос формулируется так: как возможна практика изобретения? Каким образом объяснить процесс генезиса нового, сохранив его специфику, а именно симондонианской схемы мы предварительно рассмотрим возможное влияние эмпирической психологии рубежа XIX–XX веков на формирование его концепции.

### **Эмпирическая психология и Бергсон о воображении и усилии**

Итак, в своей работе «Воображение и изобретение»<sup>[9]</sup> Симондон развивает теорию продуктивного воображения, которое отсылает к кантовскому различению двух типов воображения. Во-первых, к репродуктивному (эмпирическому) воображению, которое функционирует как способность воссоздавать прошлые интуиции через ассоциативные связи. Во-вторых, к продуктивному (трансцендентальному) воображению. Оно создает априорные условия синтеза представлений. При этом, как мы знаем, Кант всегда подчеркивал примат продуктивного воображения: именно оно задает правила, предотвращающие произвольность ассоциаций. Симондон же радикально смещает фокус, выводя проблему продуктивного воображения за пределы трансцендентальной парадигмы. Его подход опирается на традицию эмпирической психологии конца XIX века, где философы и психологи (А. Бине, Т. Рибо, Ф. Польян и А. Бергсон) разрешали апории, унаследованные от ассоцианизма И.Тэна<sup>[11]</sup>.

Указанные авторы помещают проблему изобретательства в эпицентр психологической теории воображения, отстаивая его принципиальное единство вне зависимости от сферы проявления, будь то искусство или техника. Такой подход сознательно отвергает дихотомию «художник или инженер», утверждая, что творческий акт поддается осмыслению в рамках единой концепции воображения<sup>[12]</sup>. Данное направление эмпирической психологии формируется как прямой ответ на ассоцианизм Тэна, трактовавшего ментальные образы исключительно как фрагменты прежних ощущений<sup>[11,p.16]</sup>. Согласно Тэну, воображение генерирует новое лишь через комбинаторику существующих образов. Эта теория содержит три фундаментальных ограничения. Во-первых, поскольку это механистическая теория воображения, ассоцианизм не может объяснить создание действительно новых образов, всегда основанных на возрождении. Во-вторых, ассоцианизм подчиняет воображение разуму посредством чистых логических законов ассоциаций, тем самым не позволяя себе уловить его специфику. В-третьих, он постулирует определенный упадок образов, которые изменяются только композиционно, нейтрализуя динамическое измерение воображения. Вот почему психология, стремясь преодолеть ограничения ассоцианизма Тэна, развивает представление о воображении как о динамическом процессе. Теодюль Рибо в «Очерках о творческом воображении» утверждает, что его основу составляет «принцип единства», не подчиненный разуму, но имеющий интеллектуальную и эмоциональную природу<sup>[13,p.66]</sup>. Поль Сурьо (1852–1926) в «Теории изобретений»<sup>[12,p.4]</sup> также отрицает, что изобретение – продукт аналитической мысли или реализация готовой идеи. Одновременно акцентировалась роль усилия, практического интеллекта и внимания (Вюрцбургская школа, А. Бине)<sup>[14,p.81]</sup>, что подготовило почву для оперативного подхода, фокусирующегося на самом действии мышления и изобретения. Кроме того, именно в этом русле Анри Бергсон (1859–1941) разрабатывает ключевую для Симондона концепцию «динамической схемы».



В своей статье 1902 года «Интеллектуальные усилия»<sup>[15]</sup> Бергсон вводит понятие «динамической схемы» для объяснения творческого воображения, которое не укладывается в рамки ассоциационизма с его статичным представлением о психических процессах. Бергсон исследует высшую форму интеллектуального усилия, связанную с актом изобретения в искусстве или технике. Эта уникальная для его творчества концепция, а именно «концептуальный гапакс» (от др.-греч. ὁπᾶξ λεγόμενον – «только раз названное»), который появляется только в этой работе для решения конкретной проблемы изобретательского воображения. Проиллюстрировать ее Бергсон помогает на примере шахматиста, ведущего несколько партий. Оспаривая взгляд Тэна, что игрок оперирует серией фиксированных «снимков» позиций, Бергсон, развивая мысль Бине, утверждает: в сознании сохраняется не статичный образ, а динамическая схема всей игры. Эта схема фиксирует не внешний вид фигур, а их функциональные возможности («силу», «масштаб», «ценность») и, главное, отношения между этими силами. Игрок мысленно реконструирует ход игры, опираясь на понимание этих динамических взаимосвязей.

Согласно Бергсону, динамическая схема принципиально отлична от статичного образа. Ее сущность заключается не в содержании отдельных элементов, а в совокупности отношений между ними<sup>[15,p.161]</sup>. Это комплекс временных отношений, предшествующий их пространственной актуализации и конкретизации в виде чувственных образов. Именно в этом качестве схема выступает как порождающее начало для самих образов. Данное представление содержит не столько готовые образы, сколько указание на то, как их следует собрать воедино, направление для их синтеза. Схема – это не результат обеднения или фрагментации образов (что, не объяснило бы ее способность к полному восстановлению) и не просто абстрактное резюме их значения. В примере с шахматистом, опирающимся на усилие воспоминания, схема воплощает понимание функциональных сил (типа «косой силы» слона) и динамических связей (союзных или враждебных) между ними, позволяющее реконструировать ход партии, а не хранить фотографические снимки позиций.

Поэтому Бергсон придает «динамической схеме» ключевое значение в акте изобретения, определяя последнее как преобразование схемы в изображение<sup>[15,p.174]</sup>. Этот процесс преобразования наглядно иллюстрируется примером инженера, конструирующего машину. Исходным пунктом является динамическая интуиция желаемой технической операции, сама по себе еще не воплощенная, но функционально целостная. Эта интуиция, оформленная как схема (например, принцип преобразования энергии или передачи движения) поляризует творческое действие изобретателя. Задача заключается в трансформации этой имманентной операциональной схемы в экстерииоризированные образы: чертежи, макеты, прототипы. Критически важно, что этот процесс носит итеративный и диалогический характер: возникающие материальные образы (прототип) сами оказывают обратное воздействие на исходную схему, выявляя ее ограничения или потенциал, что ведет к ее модификации. Эта модифицированная схема, в свою очередь, направляет создание новых конфигураций оборудования.

В результате изобретение у Бергсона предстает как цикл взаимопревращений между динамической схемой (имманентный операциональный план) и ее пространственно-образными актуализациями, продолжающийся до достижения функционально удовлетворительного результата. Например, бергсоновский процесс преобразования «динамической схемы» в образы наглядно иллюстрируется примером разработчика, создающего приложение (программное обеспечение) для планирования туристических походов: исходной динамической схемой служит имманентная интуиция функции,



возможность планирования маршрута простым жестом рисования на карте с автоматическим расчетом параметров, которая поляризует творческое действие. Эта схема последовательно экстериоризируется в образы: сначала как мысленные репрезентации взаимодействия пользователя, затем как эскизы интерфейса и, наконец, как интерактивный прототип в Figma (облачная платформа для дизайна интерфейсов и прототипирования), позволяющий имитировать рисование маршрута. Критически материальные образы прототипа оказывают обратное воздействие на схему, выявляя ее имплицитные ограничения (неопределенность интерпретации «жеста», отсутствие данных о местности и точках интереса), что ведет к модификации исходной схемы. А именно: уточнению концепции «простого жеста» (включение «умной» интерпретации и калибровки под тип похода) и интеграции новых элементов (использование картографических программных интерфейсов (API)). Эта модифицированная схема направляет создание новых конфигураций образов: переработанных эскизов с настройками, обновленного прототипа с кнопкой анализа и кода для работы с API. Итеративный цикл «схема → образ (прототип/код) → обратная связь → модификация схемы → новый образ» продолжается (например, при решении вопроса визуализации снаряжения), пока не будет достигнута функционально удовлетворительная реализация или, по-другому, рабочее приложение, воплощающее и конкретизирующее исходную интуицию через непрерывный диалог имманентного операционального плана и его пространственно-материальных актуализаций.

Таким образом, под «динамической схемой» Бергсон понимает имманентный, синтетический и направляющий импульс самого интеллектуального усилия. Это не объект мысли, а ее динамическая организация, не статичная структура, а вектор становления. Она объясняет творчество не как перекомбинацию старого (статистика ассоциаций), а как порождение нового через направленную активность ума, синтезирующего опыт для решения конкретной задачи в мире. Именно эта концепция стала ключевой для Симондона и его теории индивидуации. Однако хотя Бергсон и определяет изобретение как циклическое преобразование «динамической схемы» в образ и обратно (процесс, в котором и конструируется машина, и развивается сама схема)<sup>[15,p.175]</sup>, такое понимание схемы остается, по мнению Жан-Поля Сартра (1905–1980), неясным ментальным принципом.

Так, в своих ранних работах по феноменологии воображения («Воображение», 1936<sup>[16]</sup>; «Воображаемое», 1940<sup>[17]</sup>) Сартр решительно оспаривает способность понятия «схема» адекватно выразить операцию воображения, критикуя как бергсоновский подход, так и традицию эмпирической психологии. Он осуждает «непрозрачность» бергсоновской концепции, отмечая, что ее автор не приложил особых усилий, чтобы четко описать схему. Сартр подчеркивает крайнюю неопределенность в трактовке природы схемы у Бергсона: она предстает то как принцип единства, полностью наполненный чувственной материей, то как «очень бедный образ, скелет», то как «оригинальное изображение», сводящее идеальные отношения к пространственным соотношениям. Однако важно отметить эволюцию позиции Сартра: от яростной критики в 1936 году он приходит к частичному включению понятия схемы в свою мысль к 1940 году, после перечитывания Бергсона, ограничив, впрочем, ее роль лишь «простым символическим эффектом».

Фундамент критики Сартром «динамической схемы» лежит в его феноменологической теории воображения. Он утверждает, что Бергсон и представители эмпирической психологии (Рибо, Бине и др.) впадают в одну и ту же роковую ошибку: они постоянно смешивают образ-объект (репрезентируемое содержание) и образ-сознание (интенциональный акт, которым этот объект дан). Такое смешение, по Сартру, неизбежно

приравнивает сознание к простой «вещи» и фактически воспроизводит ассоцианистский жест, сводящий ментальную жизнь к комбинации элементов. Стремясь четко определить «территорию» воображения, Сартр помещает его исключительно в сферу сознания, понимаемого как чистая интенциональность и спонтанность. С этой позиции он радикально отвергает любую возможность того, чтобы «воображающее сознание» могло быть «загрязнено» изначально существующими вне нее «спонтанными образами». То есть предзаданными, независимыми от акта сознания ментальными «картинками» или структурами, каковой, по его мнению, и является неясная бергсоновская схема [\[16,p.136\]](#). Для Сартра образ не ассимилируется сознанием извне, но конституируется самим сознанием в акте интенции. Любое допущение предсуществующих образов или схем как самостоятельных сущностей разрушает эту фундаментальную чистоту и спонтанность сознания.

### **Радикальный переворот Симондона: схема как операция**

В работе «О способе существования технических объектов» (1958) Симондон определяет их конкретный способ существования через функционирование последовательно, обозначая этот принцип термином «динамическая схема» [\[8,p.14-30\]](#). Наша гипотеза заключается в том, что именно эта концепция, к которой Симондон постоянно апеллирует для описания работы технического объекта, предлагает решение проблемы, ранее сформулированной Бергсоном и Сартром. Развивая (и одновременно радикально преобразуя) мысль Бергсона, Симондон противопоставляет свою «динамическую схему» концепции Сартра, отмечая у последнего неясность происхождения самой идеи схемы. Ключевой для Симондона тезис: схема не является прежде всего ментальной реальностью. Она изначально есть характеристика самих технических объектов. Как указывал Бергсон, схема принадлежит машине и лишь, затем относится к инженеру. Однако если Бергсон ограничился определением динамической схемы как «непрерывного преобразования абстрактных отношений, предполагаемых воспринимаемыми объектами» [\[15,p.173\]](#), то Симондон же придает этому «предположению» фундаментальный статус, делая его основой своего понимания изобретения. Знакомство с техническими схемами происходит в процессе взаимодействия с машинами и их элементами. Этот процесс можно рассматривать с двух взаимосвязанных перспектив. Во-первых, перспектива объекта (машины) через специфику способа существования технических объектов. Во-вторых, перспектива техника через его действия, оперирующими этими схемами.

Стремясь сравнивать и классифицировать объекты по чисто техническим принципам, Симондон противопоставляет понятие «схемы» более распространенному понятию «использования». По его мнению, подлинное техническое знание должно классифицировать объекты не по внешней цели (как их применяют), а по их внутренней логике, соответствующей схеме их функционирования. Возвращаясь к классическому примеру, техническая логика не станет объединять паровой двигатель и пружинный двигатель в одно семейство лишь на основании схожего применения. Вместо этого она выявит, например, реальную аналогию между пружинным двигателем и луком: оба технических объекта основаны на сходной технической схеме – высвобождении накопленной потенциальной энергии. Именно техническая схема, согласно Симондону, лежит в основе изобретения. Говорить о техническом изобретении – значит говорить о той технической реальности (схеме) в рамках которой оно развивается. Однако главным действующим лицом этого становления, этой эволюции не может быть сам конкретный

технический объект в его единичном воплощении. Технический объект, рассматриваемый в данный момент времени, предстает как фиксированный срез, результат текущей стадии индивидуации технической схемы: он не является первичным центром своей индивидуации (как живое существо), а лишь ее материальным выражением. Сам по себе, как изолированный экземпляр, он не способен к дальнейшей фундаментальной трансформации или эволюции. Эволюционируют же (конкретизируются) сами технические схемы, а не отдельные объекты как таковые, то есть абстрактные принципы их действия. Конкретные объекты являются последовательными временными материальными воплощениями этой эволюционирующей схемы.

Таким образом, техническая схема – это не столько характеристика отдельного объекта, сколько свойство всей технической линии, в которую он включен. Симондон определяет схему как метастабильную «техническую сущность», которая трансформируется в рамках своей эволюционной линии [\[8, p.42\]](#). Подобно филогенетической линии в биологии, каждая стадия технической эволюции содержит в себе динамические схемы, принципиально способные порождать новые структуры [\[8, p.20\]](#). Именно схема, согласно логике Симондона, лежит в основе эволюции технических структур, выступая формирующей единицей их родословной. Она никогда не является полностью завершенной, но несет в себе потенциал для реализации в новых структурах, которые еще предстоит создать. Как отмечает Симондон, техническая сущность проявляется в том, что она остается метастабильной на протяжении эволюционной линии. И не просто метастабильной, но и продолжающей порождать структуры и функции посредством внутреннего развития [\[8, p.43\]](#). Эта внутренняя способность к развитию и отличает схему как движущую силу технической эволюции. Кроме того, чтобы понять, как трансформируется и развивается схема как «техническая сущность», важно учитывать ее трехуровневую структуру. Во-первых, историческая схема стабилизирована в конкретной структуре (например, шаровой обратный клапан здесь и сейчас). Во-вторых, линейная схема выражает метастабильность схемы в пределах одной технической линии (например, линия обратных клапанов в целом). В-третьих, чистая схема (или абстрактная схема) способна транспонироваться между различными линиями. То есть Симондон определяет третий уровень схемы, отличный от исторического и линейного уровней: «Выше этого рода существует чистая схема функционирования, которая может быть перенесена в другие структуры» [\[8, p.42\]](#). Чистая схема описывает общий принцип работы клапана, а именно обеспечение асимметричного потока. В результате эта чистая схема является общей для различных линий, таких как линия механических клапанов (обратные клапаны) и линия органических клапанов (сердце, артерии и вены). При этом кровеносные сосуды сами обеспечивают асимметричный поток крови. Чистая схема позволяет охарактеризовать общую операцию уже не в рамках одной линии, а между разными линиями, что способствует созданию транслинейного технического сообщества.

Можно отметить, согласно логике Симондона, чистая схема зарождается в доиндивидуальном состоянии бытия. Симондон рассматривает реальность как изначально доиндивидуальную. Это состояние, насыщенное потенциалом, напряжениями и диссонансами, но лишенное оформленных стабильных индивидуальностей, как технических, так живых и психических. Это фон, из которого возникает всякая индивидуация [\[8, p.247-248\]](#). В этом доиндивидуальном поле возникают проблемные ситуации, диссонансы, метастабильности. Чистая схема – это не готовый план или идея, а скорее потенциал разрешения, направление возможной организации, зарождающееся в ответ на эти напряжения. Она представляет собой абстрактный принцип действия, который может разрешить диссонанс и привести к появлению новой индивидуальности.

Важно подчеркнуть, что чистая схема у Симондона не является трансцендентной платонической формой или априорной идеей. Она имманентна самой доиндивидуальной реальности, ее напряжениям и возможностям. Она не предшествует материи логически, а возникает из ее внутренних динамик как возможный путь их гармонизации [\[8,p.48-49\]](#). Чистая схема – это абстракция. Для того, чтобы она реализовалась, она должна материализоваться, вступить во взаимодействие с конкретной средой (материалами, энергиями, другими системами). В процессе этой материализации и последующей конкретизации (разрешения внутренних диссонансов самой схемы в ее новом воплощении) чистая схема утрачивает свою «чистоту» и абстрактность, становясь конкретной функциональной структурой технического объекта или иной индивидуальности.

Кроме того, способность чистой схемы к транспозиции позволяет определить ее как «трансдуктивную». Трансдукция – это операция, которая разворачивается, начиная с этой схемы. Схема задает логику становления, динамический принцип, по которому доиндивидуальное поле будет структурироваться, разрешая свои напряжения и порождая новую индивидуальность (технический объект, живое существо, психический акт). Поэтому трансдукция – это способ бытия, который не сводится ни к индукции (от частного к общему), ни к дедукции (от общего к частному), ни к простой причинности. «Это операция физическая, биологическая, ментальная, социальная, посредством которой активность распространяется от элемента к элементу внутри некоторой области, основывая это распространение на структурировании области, осуществляемом от места к месту, где каждый участок сложившейся структуры служит принципом конституирования для следующего участка» [\[8,p.30-31\]](#). Это саморазвивающийся процесс, где каждая фаза является одновременно условием и результатом. Иными словами, трансдукция подчеркивает динамический процессуальный характер становления (жизни, сознания, технической схемы). Акцент на движении, операции, разворачивании. Чистая схема – это начальный момент трансдуктивного процесса индивидуации.

Анализируя историческую схему конкретного объекта с опорой на логику Симондона, можно выявить «реальную аналогию» или, по-другому, фундаментальный принцип работы, который можно перенести на принципиально иные структуры. Сам Симондон демонстрирует это, сопоставляя, например, пружинный двигатель (в часах) и лук: несмотря на разницу в материальном воплощении, оба артефакта реализуют одну и ту же чистую схему – накопление потенциальной энергии с последующим ее высвобождением через спусковое устройство. Аналогично «схема релаксации» описывает общий принцип работы как прерывистого фонтана, так и патологического тремора при болезни Паркинсона [\[8,p.219\]](#). Этот метод познания через аналогию и транспозицию схем Симондон в статье «Технический менталитет» определяет как особый (единственный в своем роде) способ мышления. Технический менталитет опирается на аналоговый перенос и парадигмы, выявляя общие режимы функционирования в самых разных порядках реальности – живом и неживом, человеческом и нечеловеческом [\[10,p.296\]](#). Хотя в этой работе Симондон прямо не связывает такой менталитет с созданием новых структур, однако именно аналоговое знание схем («техническое мышление») является необходимым условием изобретательской способности. Следовательно, способ познания, подразумеваемый техническим мышлением, является условием изобретательской способности.

Поэтому для техника, стремящегося к изобретению, знание схем и их трансдуктивного потенциала выходит за рамки чистой концептуализации. Понимание технической схемы у

Симондона – это не теоретическая рефлексия, а синкретический акт, одновременно когнитивный (схватывание логики функционирования), аффективный (эмоциональный резонанс с диссонансами объекта) и оперативный (сенсомоторное воплощение в практике). Другими словами, изобретение требует не рационального расчета, а «схватывания» динамики схемы через: когнитивный резонанс, аффективную вовлеченность и сенсомоторный опыт. Только через эту триединую модальность схема «оживает»: она моделируется в мышлении, переживается как напряжение и направляет телесное взаимодействие с технической реальностью. Это знание рождается в непосредственном контакте с объектом: наблюдение, разборка и сборка простых машин раскрывают их внутреннюю логику. Однако для сложных систем ручные методы недостаточны. Их схема постигается через диаграмматизацию и моделирование (например, численные симуляции), где многократное «проигрывание» метастабильного функционирования заменяет физический контакт, формируя иное, но равноценно резонирующее понимание. В результате Симондон, чтобы охарактеризовать такое соотношение, говорит об «изодинамизме». Между техником, который изобретает, и работающей машиной существует взаимосвязь изодинамизма. Изобретать – значит заставлять свою мысль функционировать так, как может работать машина: ни в соответствии с причинной связью слишком фрагментарной, ни в соответствии с единой целью, но в соответствии с динамизмом пережитого функционирования, захваченного, потому что произведенного, сопровождаемого в его бытии [\[8, p.138\]](#).

Вместе с тем аффективный резонанс при познании технической схемы принципиально зависит от типа объекта и масштаба телесного вовлечения. Симондон различает ремесленные схемы, соразмерные телу (например, знание свойств резца при работе с деревом), где инструмент становится продолжением сенсомоторного опыта. Например, ремесленник создает свое тело как «среду, связанную» с его функционированием [\[8, p.34\]](#). Здесь аффективность рождается из непосредственной интеграции схемы в телесность. Напротив, для промышленных схем (двигатель, мост), которые превышают телесный масштаб, прямое включение невозможно. Их аффективная модальность возникает через опосредование диаграммами, чертежами, моделями и симуляциями. Хотя Симондон не развивал эту тему детально, именно такая схематизация позволяет технику «вкладывать» тело в процесс, сохраняя аффективную связь с объектом, где человек присутствует не как центр, а как резонирующий оператор. Эта типология раскрывает нераздельность когнитивного, аффективного и оперативного измерений. Практическая схема всегда сенсомоторна: знание формируется через разборку, сборку, разрушение и моделирование объектов, превращая когнитивный акт в телесно-оперативное взаимодействие. Симондон определяет такой синтез как техническую интуицию, а именно совпадение становления познающего и становления познаваемого [\[8, p.36\]](#). Это знание-действие, отличное от чувственного восприятия, и от абстрактного расчета, возникает из резонанса с имманентным динамизмом технической реальности. Если интуиция объясняет познание схем, то ключ к изобретению лежит в ее способности выявлять метастабильности материала и направлять их конкретизацию через трансдукцию.

Таким образом, знание технических схем формируется синхронно в трех измерениях – когнитивном, аффективном и оперативном – через совместную эволюцию познающего субъекта и познаваемого объекта. Для обозначения этого специфического модуса познания, трансцендирующего оппозицию интеллектуального и чувственного, Симондон вводит термин «интуиция». В этом случае интуиция не является ни чувственной, ни интеллектуальной. Она есть аналогия между становлением познающего и становлением познаваемого, или, по-другому, совпадение двух становлений [\[8, p.36\]](#). Именно эта

практическая интуиция, укоренная в имманентном динамизме технической реальности, питает развитие технического мышления, чувствительного к схемам, действующим в среде. Если интуиция раскрыта здесь как инструмент постижения объектов, то центральным остается вопрос: как это резонирующее знание трансформируется в акт изобретения?

Ключевой механизм этого преобразования раскрывается в трансдуктивной природе технических схем, чья способность к междисциплинарному переносу операционных принципов порождает новые технические фазы индивидуации. Реабилитируя аналогическое мышление как двигатель инновации, Симондон противопоставляет: (1) статическую аналогию (формальное сходство структур), (2) операционную аналогию – трансверсальное сопоставление динамических схем функционирования, служащее не объяснению гомологий, а созиданию через перенос имманентной динамики. Иллюстрацией служат транспозиции: принципа регуляции потока (кровеносный сосуд → искусственный клапан), коммутации сигналов (пневматический распределитель → электромеханическое реле), бинарного кодирования (ткацкий станок Жаккара → компьютерные перфокарты) [\[8, p.48-49\]](#). Гносеологический императив требует не узкой специализации, но схематического воображения, прослеживающего линии силы через материальные домены: от гидравлики к нейробиологии, от механики лука к пружинным двигателям. Следовательно, изобретение возникает из резонансного взаимодействия с технической реальностью, где когнитивно-аффективное схватывание изодинамизма систем. Например, электромеханические колебания позволяют конкретизировать метастабильности через материализацию схем.

### Заключение

Симондонианская концепция схематизма воображения побуждает нас переосмыслить само понятие «схемы». Подобно кантовской схеме, она действует как генератор образов и структур. Однако ее реальность двойственна: одновременно идеальная и материальная. Схема материальна постольку, поскольку существует лишь через свою актуализацию в конкретных технических объектах. В то же время она идеальна как «чистая схема» так как является общим принципом функционирования, присущего различным аналогичным структурам. Но эта идеальная схема – не неизменный принцип. Она находится в постоянном становлении, трансформируясь с появлением каждой новой материальной структуры. В результате генеалогия технических объектов – это не просто их перечисление, а путь индивидуализации одной и той же схемы. При этом, будучи идеальной, схема не является концептуальной сущностью или чистым продуктом сознания. Она возникает из определенного взаимодействия, участия во внешней реальности. Следовательно, техническое изобретение никогда не основывается лишь на предписывающем человеческом замысле. Оно – результат сотрудничества между изобретателем и технической реальностью: «Изобретатель исходит не из ничего или из бесформенной материи, а из уже существующих технических элементов» [\[8, p.74\]](#).

Схематизация у Симондона возникает исключительно из практического сотрудничества человека и техники, где ключевую роль играет телесное взаимодействие («сенсомоторное участие»). Эта схема связывает когнитивные и технические элементы («когнитивную схему» и «техническую схему») не через абстрактное мышление, а через непосредственное аффективное и когнитивное отношение к динамичной



пространственной реальности. Она не сводится к простой временной синхронизации (как «удержание»), а укоренена в активном практическом опыте тела, взаимодействующего с миром. В результате симондониянская схема действует в противоположность кантовской: вместо подчинения опыта априорным структурам разума, она сама открывает мысль через практический опыт, конституируя объект из динамического взаимодействия реальности (сети объектов, ветвящиеся линии) и самой подвижной мысли. Отсюда следует, что по сравнению с Кантом Симондон радикально переосмысливает соотношение общего и частного, а также природу познания. Если для Канта общность и универсальность заключены в субъективных схемах воображения, а объект предоставляет частное (единичную интуицию), то у Симондона общность схемы проистекает из ее трансцендентально-линейного характера (ее способности к переносу в сети объектов), в то время как мысль всегда направлена на конкретное изобретение. Этот схематизм принципиально отличается и от кантовского воображения: изобретательская способность для Симондона – это не рефлексивное суждение, оценивающее частное, а практическое отношение, форма знания, неотделимая от аффекта и действия. Изобретение есть прежде всего сенсомоторное вовлечение в мир вещей, а не дискурсивный акт суждения.

Итак, завершая путь от воображения к способу существования технических объектов, мы сталкиваемся с решающим синтезом в лекциях 1965–1966 годов: понятие «схемы» эволюционирует в «образ-объект». Это не просто смена терминов, а фундаментальное расширение горизонта понимания. В «Способе существования технических объектов» «техническая схема» фиксирует чисто функциональную логику артефакта. В «Воображении и изобретении» «образ-объект» охватывает целостное бытие техники, имманентно сплетая ее техническое измерение с аффективно-эмоциональным, эстетическим, конативным и психосоциальным. Вот почему изобретение перестает быть исключительно рациональным конструированием функции. Оно становится актом восприятия и раскрытия смысла, воплощенного в объектах-образах, их способности вызывать образы, а также перспективы для них нового существования. Воображение обретает свою подлинную силу не в изолированном разуме, а в практическом отношении к этим внешним факторам («образам-объектам»), которые заставляют думать и заставляют изобретать, пробуждая их воображаемую полноту через эстетический и технический анализ, возможно даже транспозицию. Это динамическая реальность, всегда несущая в себе потенциал («заряд изобретательности») для возрождения и новых конфигураций.

Таким образом, Симондон осуществляет радикальный пересмотр самой природы схематизма, совершая решающую инверсию по отношению к Канту. Его «схема» (позднее «образ-объект») – это не трансцендентальное правило, навязываемое разумом опыту. Она является оперативной матрицей, имманентно возникающей из оперативного соучастия (совместного функционирования) человека и техники. Это продукт и двигатель их совместной эволюции. Мысль не подчиняет техническую реальность через априорные схемы. Напротив, через схему (как интерфейс) она вступает в динамическое взаимодействие (практическое отношение, сенсомоторное вложение) с имманентной логикой развивающихся технических систем («сетью объектов», «ветвлением линий»). Это знание есть «оперативное знание» – «знание-аффект-действие», не сводимое к рефлексивному суждению. Философский вклад Симондона здесь фундаментален: он утверждает онтологический и эпистемологический примат операции, отношения и процесса индивидуации над субстанциализмом и трансцендентализмом. Оперативный схематизм Симондона предлагает исключительно плодотворную модель для осмысления современной технической динамики, такой как цифровые среды и искусственный



интеллект. В этих системах изобретение и адаптация происходят через непрерывное взаимодействие с имманентной логикой саморазвивающихся объектов-систем, признавая их активную роль и достоинство в становлении реальности. Симондон дарует оперативному отношению и техническому объекту в его целостности онтологическое достоинство.

## Библиография

1. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. 655 с.
2. Longuenesse B. Kant and the Capacity to Judge. Princeton: Princeton University Press, 1998. 420 p.
3. Heidegger M. Kant and the problem of metaphysics. Indiana University Press, 1962. 255 p.
4. Саяпин В.О. Рекурсия как способ самоорганизации современного социума // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. Воронеж, 2023. № 3 (49). С. 62-67. EDN: SRUPMZ
5. Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность. М.: V A C Press, 2020. 400 с.
6. Саяпин В.О. Контингентность и метастабильность как концепты самоорганизации современного социума // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. Воронеж, 2024. № 2. С. 47-53. EDN: XRPMKZ
7. Stiegler B. La Technique et le temps 3. Le temps du cinéma et la question du mal-être. Paris: Galilée, 2001. 329 p.
8. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
9. Simondon G. Imagination et invention, 1965–1966. Paris: PUF, 2014. 206 p.
10. Simondon G. Sur la technique (1953–1983). Paris: PUF, 2014. 460 p.
11. Taine H. De l'intelligence. T. 1. Paris: Hachette, 1870. 1000 p.
12. Souriau P. Théorie de l'invention. Paris: Hachette, 1881. 156 p.
13. Ribot T. Essai sur l'imagination créatrice. Paris: Alcan, 1900. 313 p.
14. Binet A. L'Étude expérimentale de l'intelligence. Paris: Schleicher frères, 1903. 309 p.
15. Bergson H. L'énergie spirituelle: essais et conférences. Paris: Presses universitaires de France, 1941. 214 p.
16. Sartre J.-P. L'Imagination. Paris: Presses universitaires de France, 1936. 162 p.
17. Sartre J.-P. L'Imaginaire. Psychologie phénoménologique de l'imagination. Paris: Routledge, 1940. 234 p.

## Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается функционирование понятия «схема» в концепции Ж. Симондона. В качестве «противообраза» этой концепции автор статьи избирает учение И. Канта о схематизме чистых понятий рассудка. Следует заметить, что для того чтобы в историко-философских исследованиях (да и в истории культуры в целом) сравнение оказалось эффективным методологическим приёмом, необходимо не только наличие у сравниваемых объектов как сходных, так и различающихся черт, но и

то, чтобы обнаруженные сходства и различия выявляли существенные черты философских концепций, эпох в истории культуры и т.п. В этой связи принципиально важным оказывается обоснование целесообразности состоявшегося выбора сравниваемых феноменов. Нельзя сказать, что автор совсем не видит этой проблемы, но ей посвящены лишь несколько строк введения. В самом деле, почему концепция Симондона, которая интересует автора, должно сравниваться именно с учением Канта? Только потому, что в обоих случаях присутствует термин «схема»? Этого указания явно недостаточно хотя бы потому, что один и тот же термин (как в нашем случае) может отражать разные понятия, а, с другой стороны, и близкие учения, сравнение которых способно оказаться эффективным способом раскрытия их неочевидного содержания, могут быть представлены читателю посредством несовпадающих «категориальных сеток». В данном случае, если мы посмотрим на последний абзац заключения, то увидим, что преобладают всё же именно различия, речь идёт просто о разных учениях, которые в силу некоторых обстоятельств «пересеклись» в одном термине. В целом складывается впечатление, что то, что автор рассказывает о Симондоне «в связи с Кантом», он мог бы представить и безотносительно к учению немецкого философа. Данное критическое замечание не ставит под сомнение очевидные достоинства статьи – основательность анализа, широкую эрудицию автора и т.д., однако, было бы целесообразно скорректировать (хотя бы во введении к статье) текст таким образом, чтобы читатель увидел необходимость привлечения именно кантовского учения о схематизме понятий в контексте рассмотрения соответствующей концепции Симондона. Язык и стиль работы в целом соответствуют требованиям, предъявляемым к научным публикациям, хотя и в этом отношении коррективы возможны («в этом случае такое сближение...», «То есть краткая постановка...», – предложение не следует начинать с «то есть»! и т.п.). Необходимо также расширить список используемых источников. В частности, учение Канта о схематизме понятий многократно анализировалось отечественными историками философии, и странно, что автор оставляет без внимания эти известные публикации. Рекомендую принять статью к печати.